

ВЛАДИМИР МАЛИНОВСКИЙ

О ЛЮБВИ

Ясным выдался денёк, не осенним. Небо бирюзой растеклось над расцвеченной солнцем долиной. Серебристой чешуёй струилась в причудливых изгибах река. По её берегам багрянцем трепетали осины, золотистыми блёстками переливались кроны берёз. И только одно смущало в этом осеннем празднике красок. Над взметнувшимся ввысь холмом, строгом, прямом, будто вычерченном на небосводе твердой рукой конструктора, распахнула зев кроваво-красная чаша. Гигантским цветком распутившаяся на стебле-холме, она притягивала и резала глаз.

Сухо затрещало что-то в разверзнутом к небу красном чреве. Зазмеились-забежали синеватые всполохи. Громче треск - ярче сияние. И вот уже всплески багрово-красного пламени перехлестнули наклонившийся край. От кровавым огнём кипящей круговерти вскинулась-ослепила ярчайшая молния. Острым жалом своим пронзила она нежную синеву и умчалась в неведомое, в чёрную, бесконечную даль. Железный стон вывалился из огромной чаши. Тяжёлым катком прокатился он по долине, раздавил привычно-земные звуки и замер, остановленный стеною леса.

Всё стихло-затаилось вокруг. И молчало долго и тягостно, понимая, что звук этот из другого мира чуден и страшен. Наконец, маленькими радугами вновь затрепетали бабочки. Загудели шмели, ровно и деловито, словно никогда и не помышляли об отдыхе. Робко вскрикнула птица. Ей откликнулась другая. Всё ожило, заиграло, запело вновь. Как будто не было ничего и жизнь не прекращала своего течения.

У подножия холма беззвучно открылся мощный люк. Из него появилось десятка два людей. Мужчины и женщины. Молодые и не очень. Лица их не были ни веселы, ни грустны, но более озабочены какою-то мыслью. Переговариваясь отрывистыми фразами, они разделились. Меньшая часть ушла тропинками в лес. Большая - расселась за столом, заставленным скромными закусками.

Сели рядом, сдвинув пустующие места к краю. Налили минеральной воды в бокалы. И замолчали, глядя друг на друга ожидающими глазами. Было тихо. Лишь огромный багряно-осенний клён, пологом раскинувший свои ветви, шелестел коричневатокрасными листьями.

«Что ж, поработали мы нормально. Теперь нужно ждать, » - старик, чьё лицо было изрезано морщинами, точно шрамами, обвёл всех улыбчивым взглядом. И словно сигналом послужили эти слова. Все заулыбались, заговорили. Послышался звон поднимаемых бокалов. А миловидная девушка лукаво взглянула на старика:

-Вот вы скажите, Николай Иванович. У вас всё время работа, да работа... А вы хоть когда-нибудь любили?

И за столом вдруг кто-то хрюкнул в бокал. А кто-то закашлялся, подавившись нечаянно минералкой.

-Ты знаешь, Люба, - произнёс старик врасстяжку. И стало так тихо, что было слышно, как кленовый лист упал на стол. Но, посмотрев на вспыхнувшую маком девушку, и, будто бы что-то внезапно вспомнив, он улыбнулся, - Да ладно уж. Расскажу. Я расскажу вам о своей любви. Первой. И, конечно, единственной.

Случилось это, дай бог памяти, тому лет сорок назад, – глазами повеселевшими, молодыми и острыми старик посмотрел на удивлённые и прячущие улыбки лица присутствующих - Тогда я учился в институте, курсе на третьем. У нас заболел преподаватель и вместо него заявили какого-то Фридриха Карловича Фордемберга. По слухам, лекции этот Фордемберг читал изумительно. Однако был очень требователен и не терпел тех студентов, которые походя относились к его предмету. Возможно, поэтому, а скорее всего из-за немецкого имени все звали его за глаза не иначе как «Кайзер». Но мне было тогда наплевать и на лекции и на Кайзера. Меня ждал футбол. Об игре я договорился с друзьями.

И вот я бегу на встречу с зелёным газоном по длинному институтскому коридору. Меня нагоняет звонок, возвещающий о начале занятий. И я... замираю, как столб: «А тубус-то с курсовым я забыл! Вот чёрт! И что ж теперь делать?! Дождаться окончания часа? Прощай мой футбол? Нет уж, дудки!».

Я подхожу к лекционному залу. Какое-то время вслушиваюсь как журчит голос Кайзера, . затем... рывком открываю дверь на себя. Вхожу. В громадной аудитории наступает мёртвая тишина. Десятки глаз уставились на меня. Смотрит и Фордемберг. Вопросительно и удивлённо. По правде говоря, он совсем не похож на Кайзера. Толст, лыс. С круглой как шар головой. Из неё нелепо торчат большущие уши. С каким-то дурацким полупоклоном я обращаюсь к нему: «Пожалуйста, извините. Я только тубус возьму.» Я поднимаюсь по расположенной амфитеатром аудитории вверх, на «галёрку». Забираю свой тубус и, провожаемый нарастающим смехом сокурсников, покидаю аудиторию.

На следующий день только и разговоров было о моём идиотском поступке. «Ну, брат, » - говорили мне все – «Теперь тебя Кайзер на экзамене срежет.» Однако с меня – всё, как с гуся вода. Я был тогда очень самоуверенным молодым человеком. В отличие от зубрилок, которых было полно на потоке, мне было достаточно пробежать глазами в учебнике нужный раздел, чтобы понять, что к чему. И вот настал «судный день», которого я не боялся...

Экзамен у нашей группы принимали двое: Фордемберг и ещё какой-то преподаватель, имени которого я теперь не помню. Все шли к преподавателю. Фордемберга боялись. А я из принципа направился прямо к нему.

На свой билет я ответил как надо: только от зубов отлетало. Закончил и, не удержавшись, с улыбочкой посмотрел на Фридриха Карловича. Дескать, что, Кайзер, съел? Он вяло покосился на мою зачётку, где стояли только «отлично» и задал мне допвопрос. Вопрос выходил за рамки институтской программы, но ответить я на него всё же сумел. Смотрю - Кайзер удивлён и даже слегка заинтересован. И тут же задаёт мне второй вопрос. Ещё

более каверзный. Подумав, я снова ответил. Лицо Фордемберга становится непроницаемым, и он задаёт мне третий вопрос. Вообще чёрт знает какой. Вот тут-то я уже спасовал. А Фридрих Карлович обращается ко мне с милой улыбкой: -Знаете, молодой человек, как бракуют консервы? Берут три банки из ящика и если хотя бы одна из них негодная, то бракуют ВЕСЬ ящик. Ну, так и быть... «Удовлетворительно» я вам всё же поставлю.

Кайзер берёт мою зачётку и после всех моих «отлично», «отлично», «отлично» каллиграфическим почерком пишет «удовлетворительно». Протягивает её мне, взбешённому, красному и бесстрастным голосом добавляет, - Господь что-то перепутал, дав вам ТАКУЮ голову. Вы её не заслуживаете.

Так состоялось моё первое знакомство с Фридрихом Карловичем Фордембергом. Потом он куда-то исчез. Говорили, перешёл на другую работу. Меня это мало интересовало: тогда я заканчивал институт. Мне предложили работу два очень серьёзных НИИ. Но я выбрал третий. Однако попасть в него оказалось сложнее чем в первые два. И вот, наконец, (не без помощи своего отца) я в отделе кадров вожделённого института.

Начальником здесь оказалась женщина лет сорока. Она была маленькой, худенькой и слегка косоглазой. А звали её Мария Степановна. Я протянул ей свои документы, Но Мария Степановна почему-то их не взяла.

-Знаете что ..., - она посмотрела в сторону, отчего её косоглазие возросло ещё больше. - Вы сначала поговорите с Фридрихом Карловичем.

-С кем?- переспросил я ошеломлённо.

-С Фридрихом Карловичем Фордембергом. Он у нас всё решает.

Из кабинета я вышел в смущении. Но...делать нечего. И я решительно направился к Фордембергу.

Фридрих Карлович меня принял с прежней милой улыбкой.

-Так это вы по рекомендации? – проговорил он, заботливо глядя мне в глаза.

Я промолчал, понимая, что сейчас выше Кайзера надо мной только Бог.

- Ну, ладно-ладно, - ласково прожурчал Фордемберг, - Идите, оформляйтесь. – и зачем-то прибавил,- Вами займутся ещё до обеда.

Однако ни «до», ни «после» обеда мною так никто и не «занялся». Фридрих Карлович появился только в середине следующего дня. Жуткий рёв, разнесшийся по коридору, возвестил нас об этом. Не без удивления я выглянул из курилки, в которой «работал», добывая очередную пачку сигарет. Картина передо мною предстала необычайная...

Наклонив голову, точно бык в атаке, Кайзер готовился забодать стоящую перед ним очень милую девушку. Девушка была ярко-алой, как майская роза. Фридрих Карлович – ярко-пунцовым, как свежееотвареный рак.

- Вы - никчемность! – как сумасшедший, орал Фридрих Карлович.- Я выброшу вас из лаборатории! – надрывался мой новый шеф.

Момент был крайне неудачный, но моё терпение лопнуло. Я подошёл к ним и, глядя прямо в глаза Фордембергу, спросил:

-Фридрих Карлович, вы мне дадите хоть какую работу?

Фордемберг резко повернулся ко мне и секунду смотрел озадаченно, словно наткнулся на неожиданную преграду. Затем коридор сотряс дикий рёв:

-Во-о-он!

Кайзер куда-то умчался, стуча каблуками так, как будто хотел проломить ими пол. А я ещё долго оставался на месте. Я в ярости сжимал кулаки и мысленно посылал ему вслед проклятия. Из состояния тихого бешенства меня вывела милая девушка, которую перед этим оборал Фордемберг. Она подошла ко мне и тихо сказала:

-Вы не обращайте внимания на то, что Фридрих Карлович так кричит. Это он делает вид, что он такой злой, а на самом деле он добрый.

Так на второй день работы в НИИ я узнал, что мой новый шеф иногда «грубоват» с подчинёнными и что здесь его и любят, и... ненавидят. По всей вероятности, я, несмотря ни на что, не относился ни к первой, ни ко второй категории. Я просто хотел работать в этом НИИ. Мне помогли тогда молодость и... любовь. Нет-нет! Влюбился не я. Меня полюбила ТА САМАЯ милая девушка. Её звали Настей. Мы часто вечерами гуляли, и Настя читала свои стихи: «Тихий взгляд из-под ресниц... Синие глаза...».

Настя поддерживала меня всегда и во всём. Больше того. Поскольку поручениями меня в институте не обременяли (возможно, шеф желал, чтобы я сам подал заявление «об уходе») я был не очень-то занят и начал ей помогать по работе. И дело пошло. Теперь Фордемберг её не ругал, однако и не хвалил. Наверняка, он догадывался, что здесь к чему, но относился ко мне по-прежнему холодно. А между тем я влюбился. Не в Настю. В работу. И, главное, понял, ЧТО есть Фридрих Карлович в институте. Он был генератор идей и, многие здесь его почитали, как Бога. Теперь я не просто хотел работать в этом НИИ. Я страстно желал стать соратником Фордемберга. Но как?! Мне казалось, что оставалось только одно: чем-нибудь его ПОРАЗИТЬ.

Вот эта маниакальная мысль засела в моей голове, точно гвоздь. Я жил с ней, я спал с ней, я мучился с ней, точно проклятый. И Настя переживала вместе со мной. Однажды она даже придумала по какому-то поводу вечеринку, чтобы меня хотя бы немного развлечь.

На вечеринке она утащила меня подальше от всех, на балкон. Мы с ней целовались... Я до сих пор помню её глаза. Такие лучистые, тёплые. Мне было тогда удивительно хорошо. Но вдруг!..» - Николай Николаевич обвел всех внезапно загоревшимся взглядом, -«Вдруг я отодвинулся от неё, потрясённый увиденным. В небо, прямо перед балконом, ударил мощный прожектор. Луч насквозь прожёт исчерна-тёмную мглу и умчался ввысь. В бесконечную даль. Настя ещё продолжала смеяться, но, взглянув мне в лицо, притихла. Я бросился в комнату.

Там я схватил первый попавшийся карандаш и, сопровождаемый насмешками моих не совсем трезвых товарищей, попытался запечатлеть пронзившую мой мозг фантастическую, нереальную, но удивительную мысль. Даже на подошедшую ко мне Настю я зарычал потревоженным зверем. Вечеринка была испорчена. Все смотрели на меня, как на помешанного. Домой я возвращался один, злой на всех, а больше всего на самого себя. А дома «нарезался» так, что напрочь забыл своё давешнее «озарение».

С этой злосчастной новогодней ночи жизнь моя расстроилась окончательно. Сослуживцы принимали меня за какого-то полусумасшедшего. И лишь одна Настя, несмотря ни на что, казалось, понимала меня и... поддерживала. Но она не могла заменить мне любимой

работы. Я отчаялся и собирался было подавать заявление «по собственному», но тут грянул Юбилей. Фридриху Карловичу исполнилось пятьдесят.

Нужно отдать должное шефу: на банкет он пригласил нас всех, без исключения. За праздничным столом не смолкали здравицы. Все превозносили Фридриха Карловича, называли его даже великим. Однако Фордемберг слушал всё это вполуха. По лицу его бродила какая-то странная, я бы сказал даже саркастическая усмешка. Наконец, он резко встаёт и, обрывая очередное словоизлияние, говорит: «Поверьте, ребята, всё что я сделал за свою жизнь это полная ерунда по сравнению с одной простенькой идеей. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь её осуществит и тогда он, действительно, станет великим, а человечество получит такие возможности, о которых сейчас не приходится даже мечтать...».

Мы, конечно, все притихли, ждём что скажет наш научный бог. И он начинает говорить... И чем дольше говорит Фридрих Карлович тем более вытягиваются лица присутствующих. И написано на этих лицах одно и то же: либо дедушка шутит, либо он явно хватил лишнего. Такое просто невозможно. Но мне так не кажется. Мне чудится что-то знакомое в его словах. И вдруг, точно вспышка, озаряет моё сознание. Новогодняя ночь. Режущий мрак ослепительно-белый луч. Я чувствую взрыв восторга, запалом которому служат эти воспоминания и, конечно же, выпитая водка.

Вскакиваю. Не осознавая себя, грубо обрываю плавно текущую речь Фордемберга: «Я! Я знаю как это сделать!» В зале до звона, до боли в ушах становится тихо. Я под прицелом десятков глаз, удивлённых, ожидающих, насмешливых. Но меня гипнотически притягивает только один взгляд. Взгляд моего Бога. А его нет. Точнее он есть, но пустой, безжизненный, не выражающий ничего. На лице Фордемберга теплится скорбно-похоронная улыбка.

Все молчат. Это молчание длится бесконечно долго. Затем его прерывает нагло-насмешливый, наполненный хрипотцой голос: «На воздух его!» Лёгкий смешок. Затем ещё и ещё. Наконец, зал взрывается хохотом. Жгучая обида захлестнула меня. Мне стыдно. До боли. До безумия. Опрометью кидаюсь вон. «Шут гороховый!» - несется мне вслед.

Я бежал по улице, словно в горячке и не заметил как меня догнала Настя. Она очень спешила и, хотя был мороз, не накинула даже пальто.

- Коля! – Настя дрожала то ли от холода, то ли от волнения. - Не слушай их! Плюнь! Они не правы! Ну, хочешь, мы вместе уйдем от этого самодура Кайзера!?

Я ошеломлённо смотрел в её наполненные слезами глаза. ТЕПЕРЬ я не понимал как можно было Фордемберга обозвать самодуром. Светилом и Богом он мне оставался даже сейчас. И тут я в злобе и бешенстве сказал Насте то, что, говорить, наверное, совсем бы не следовало:

-Уходи! Я не хочу тебя видеть!

Настя побледнела, как мел. Как-то надломилась. И, сгорбленная, медленно побрела от меня прочь. А я побежал домой. В голове моей раненой птицей билась лишь одна самолюбивая мысль: «Подождите! Я вам всем докажу!».

Я нашёл свои новогодние записки довольно быстро. И с карандашом в руке принялся их изучать... Это было не разочарование. Это было падение в бездну. Пьяный бред – вот что представляли собой мои математические изыскания. Правда, иногда что-то и где-то, казалось, проблёскивало. Но эти жалкие лучики истины были настолько слабы, что не могли осветить даже краешка задуманной грандиозной картины.

Я стоял у окна. Слезы сами текли из моих глаз. Сомнений не оставалось. Моё будущее было перечёркнуто раз и навсегда. И тогда я решил обрубить всё разом. Но прежде всего мне хотелось хотя бы немного досадить своему, теперь уже ненавистному идолу. Я хотел сделать так, чтобы мой «Бог» уволил меня сам.

На следующее утро я был в институте одним из первых. Как истомлённый ожиданием казни приговорённый, я жаждал скорейшей смерти. Но палача на месте не оказалось. Прошло несколько бесконечно долгих часов прежде чем он появился на рабочем месте. Фордемберг был явно не в духе и тут же прошёл в столовую. Не медля, я отправился вслед.

Был час пик. В до предела заполненной, гудящей столовой я не сразу нашёл шефа.

«Фридрих Карлович!» – помню как при первых звуках моего голоса он вздрогнул, - «Вот то, о чём я вчера говорил...»

Нехотя, вялой рукой Фордемберг принял мои полусмятые листочки. Как некий мусор уронил их перед собой. И принялся их брезгливо рассматривать. Постепенно блестящая плешь шефа начала наливать красным: сначала слегка порозовела, затем зарумянилась, наконец, запылала огненно-ярко. Наш научный бог размахнулся так, что листочки испуганными птичками спорхнули на пол, и грянул кулаком о стол. Страшный грохот потряс столовую. Жужжание множества голосов утасило. Все разом повернулись к нам. Перед разъяренным Фордембергом полуоткрыв рот, с глазами полными ужаса застыла наша уборщица тётя Фрося. Это она со страху уронила поднос с грязной посудой. Зрелище было впечатляющее. Очевидно, поэтому Фридрих Карлович вместо того, чтобы зареветь медведем опустил глаза и коротко произнёс: «Вон!».

Что-то оборвалось внутри меня. Едва передвигая ватные ноги, я пошёл к выходу, болезненно ощущая как в моё тело впиваются взгляды теперь уже явно бывших моих коллег.

На следующее утро я пораньше уехал в лес, за грибами. На следующее тоже. Так продолжалось около недели. Я был уверен, что теперь меня уволят по статье за прогулы и... не ошибся. В один из этих дней меня уже на выходе, с корзиной в руках остановил телефонный звонок. Телефон звонил надрывно и нервно, больно отзываясь в моём мозгу. С трудом я заставил себя взять трубку.

Она тут же заговорила звонко, радостно-весело... Настиним голосом: «Коленька! Ты что на работу не выходишь!? Тебя в отделе кадров ждут! Извини. Тороплюсь. Пока!» - отрывисто- гулкие гудки тяжёлым эхом улетали в бездну, унося остатки моих робких надежд и ожиданий.

Мы не встречались с Настей уже более месяца. Но, несмотря на наши весьма прохладные отношения я не ожидал, что она так предательски-счастливо сможет вещать мне о моём же увольнении. Что ж! Наверное, хватит! Через пару часов я был в институте.

И без того косенькая Мария Степановна при моём появлении закосела до невозможности. «Зайдите к Фридриху Карловичу.» - Эти простенькие слова начкадров произнесла так, что от моих деланно жизнерадостных приветствий не осталось и следа. Улёгшаяся было волна обиды всколыхнулась вновь. «Дорогуша!» - хотелось заорать мне, - «Я зайду сейчас хоть к самому чёрту! Только не смотри на меня так!» Но, проглотив пилюлю, я отправился к Фордембергу, полагая, что на прощание Кайзер хочет потешиться.

Фридрих Карлович у себя в кабинете внимательно изучал какой-то журнал. Едва взглянув на меня, он кивнул на стул. Дескать, садитесь. Я сел и стал смотреть в окно на плывущие облака, ожидая, когда раздастся трубный звук, означающий начало моей казни. Он оказался даже громче чем я его мог себе представить.

«Идиот!» - вдруг рявкнул шеф так, что оконное стекло ответило ему лёгким дребезжанием. Этот вопль подействовал на меня, как удар хлыста. Я вскочил и весь красный, сжав кулаки, собирался уже высказать Кайзеру всё что я о нём думал, но с изумлением вдруг обнаружил, что Фридрих Карлович обращается не ко мне. «Идиот!» - повторил Фордемберг и швырнул журнал на стол. Толстым пальцем он упёрся в измятый ударом лист. - «Вы только посмотрите!» - с горестным видом заглянул мне в лицо, - «Утверждать подобное может только идиот!» - но, увидев перед собой мои изумлённо-вытаращенные глаза, Фридрих Карлович кое-что вспоминает, «Ну, да! Ну, да! Сначала вот это!» - он хватает со стола несколько исписанных крупным почерком листков и протягивает их мне.

Машинально просматриваю листы и вначале ничего не понимаю. Отчасти потому, что ошарашен странным приёмом. Отчасти потому, что отражён в них какой-то математический бред. Но очень медленно, шаг за шагом начинаю вникать. Я чувствую, что у меня захватывает дух. Лицо ещё более наливаются краской. Поднимаю голову и вижу весёлые глаза Фордемберга.

Они спрашивают меня:

-Ну что? здорово!?

Я киваю головой и осипшим от волнения голосом шепчу:

-Здорово, Фридрих Карлович!

Глаза Фордемберга тут же серьёзнеют. Голос становится канцелярски-официальным:

-Ну, что ж... Тогда идите в отдел кадров.

Я молча, как в гипнозе, иду к двери, но прежде, чем открыть её, оборачиваюсь вопросительно.

-Идите-идите! - подтверждает Фордемберг взмахом руки.

Косоглазие Марии Степановны достигает высшего предела. «Так я и знала!» - говорит она возмущённо при моём появлении, - «Чтобы вы отказались! Никогда!» и суёт мне в нос отпечатанный на машинке лист с размашистой подписью Фордемберга. Читаю и не верю глазам. Передо мной то расплывается, то вновь обретает формы приказ о моём назначении ведущим специалистом лаборатории. Стою – перечитываю. Ещё и ещё. Пока не слышу раздражённое начкадров: «Подписывайте же! У меня и без вас дел хватает!» Неверной

рукой ставлю подпись. Уже в дверях из-за спины слышу то, что наболело: «Люди годами работают и ничего... Чем вы только Фридриху Карловичу приглянулись!».

Из отдела кадров в кабинет Фордемберга я плыву, как во сне. Затем, так же весьма слабо соображая, вполуха слушаю о чём толкует мой научный Бог. Я в прострации. Я не понимаю, что происходит. Объясняется всё потом... Оказывается, в день памятного скандала события после моего ухода из столовой развивались стремительно и неординарно.

Где-то через полчаса после того как все пообедали и столовая опустела в неё ворвался взъерошенный Фордемберг. Сначала он бросился к столу, за которым недавно ел котлету. Потом, не обращая внимания на удивлённые взгляды немногочисленного персонала, так же стремительно ринулся за стойку, уставленную салатами и компотами.

Очевидцы рассказывали какой жуткий рёв доносился из-за дымящихся кастрюль. Это «интеллигентный» Фридрих Карлович требовал, чтобы, не медля ни минуты, ему подали уборщицу Фросю. Насмерть перепуганная заведующая немедленно послала нарочного домой к тете Фросе, к тому времени уже закончившей смену. Та примчалась, как угорелая, и в страхе предстала перед грозным Кайзером. Но вопреки ожиданиям разноса за уроненный поднос не последовало. А вот далее... - по лицу Николая Ивановича пробежала едва приметная тень само-довольной усмешки, - Далее... Наш грозный и надменный Кайзер, наш величайший научный Бог, не обращая внимания на изумлённые взоры присутствующих, рылся в мусорном ящике вместе с тетей Фросей и... Настей, которая в это время оказалась в столовой. Они отыскивали клочки моих заметок, столь опрометчиво порванных нашим научным руководителем. И Фридрих Карлович их бережно складывал... - Николай Иванович прервал рассказ на полуслове и, помедлив немного, обвёл всех вопросительно-испытывающим взглядом, - Может быть, и напрасно всё это я вам рассказываю? Но это было! Как было и то, что именно Фридрих Карлович увидел в моих записках не увиденное мною...

Николай Иванович о чём-то надолго задумался и, казалось, даже потерял нить рассказа. Затянувшуюся паузу прервал голос Любы, которая не сводила с него внимательных глаз:

-Ну, а дальше-то что?

-Дальше? - возвращаясь к мысли, нахмурил брови рассказчик, - Дальше я вышел на работу. Первым человеком, который встретил меня в лаборатории, была Настя. Конечно же она знала тогда, что ожидало меня в отделе кадров. И теперь больше всех радовалась моему возвращению. Я попросил у неё прощения в первый же день. Снова начались незабываемые вечера...

Я хочу сказать тебе.
Впрочем что сказать.
Лучше в море твоих глаз
Утону опять...

Но вскоре нам о стихах пришлось забыть.

Однажды Фордемберг пришёл в институт сам не свой. Прошёл в лабораторию туча тучей. Ни с кем не поздоровался, даже со мной. «Видно», - думаю, - «С дедушкой что-то стряслось.» Но ломиться в кабинет не стал: « Перегорит – позовёт сам.» Так оно и случилось.

Где-то минут через двадцать подходит ко мне лаборантка: «Николай Иванович, вас шеф вызывает.» Ну вызывает, так вызывает...

Стучусь в дверь – «Да-да!» Вхожу и ... совершенно ничего не понимаю. На дворе солнце сияет. А шторы в кабинете занавешены. На столе – бутылка коньяку, две рюмашки, лимон.

-А, это вы? – Фридрих Карлович – сама печаль в кресле, - Давайте выпьем...

Молча беру рюмку. На корабле – он капитан. Приказы положено выполнять. -Чокаться не будем! – предостерегающе вскинутый палец.

Выпили. Фордемберг, глядя тухлыми глазами куда-то в сторону:

-Мы сейчас помянули. Вы поняли?

-Кого? Фридрих Карлович.

-Нас с вами. – вяло жуя, вещает Кайзер, - Сегодня мы умерли и присутствуем на наших собственных похоронах.

Я чуть было не подавился лимоном. Таращусь на Фордемберга. Глаза, вроде, не белые, вроде, нормальный.

-Я с ума не сошёл! – орёт он вдруг. Всккивает из-за стола и начинает бегать по кабинету. – И нечего на меня так смотреть! А вот у наших вышестоящих начальников крыша, кажется, поехала. Нам прекращают финансирование. Аргумент железный: мы слишком далеки от жизни! Им нужно что-то поприменнее, попроще! Например, связанное с навозом! Поэтому мы сейчас присутствуем на наших похоронах.

-Понял! – говорю я и, не дожидаясь, «капитана», сам наполняю рюмки. Мы выпиваем, на этот раз не закусывая.

-Ладно! Работу мы себе найдём. Дворниками, в конце концов, устроимся. – скорбная улыбка – Но это- идиоты! Законченные идиоты!

Я молчу. Никаких эмоций. Полное опустошение. Но потихонечку зелёнькая, слабенькая мыслишка пробивается сквозь мою черепушку, как весенняя травка сквозь асфальт. Ладно. Скажу. Может, утешится.

-Зря убиваетесь, Фридрих Карлович. Теперь это значение не имеет. Мы всё равно проиграли.

-Это как? – недоверчиво смотрит на меня Фордемберг.

-Позвольте я вам кое-что покажу.

-К чёрту! – заключает вдруг Кайзер, - Лучше напьемся. Повод необычайно хорош. - но, поймав мой настойчивый взгляд, бурчит недовольно, - Ладно. Тащите уж. Если вам так хочется.

-Что там? – горестно- расслабленный Фордемберг принимает у меня английский журнал. Отсутствующим взглядом скользит по заголовкам. Но вдруг оживает, впивается в текст глазами. Статья прочитана вмиг. Фридрих Карлович поднимает голову, ошеломлённо смотрит перед собой. Затем кулак его с грохотом падает на стол:

-Выпьем!!!

Хрустальный перезвон наполняет кабинет праздником. Это шеф заставляет меня чокнуться. В буквально и... в переносном смысле.

-Знаешь! – говорит он, моментально перейдя на «ты» и, не замечая моего растерянного лица. – Это победа!

Я тупо молчу.

На следующее утро в институте все ищут бесследно пропавшего Фридриха Карловича. Он появляется только к концу дня, но сияет, как медный грош.
-Всё хорошо. – приветливо кивает он мне.

О том, насколько всё «хорошо», мы узнаём только через неделю, когда в институт приходит правительственное письмо. Ассигнования на проект увеличиваются вдвое...

Английский научно-технический журнал, который я подсунул шефу, произвёл на меня тогда впечатление гнетущее. В нём говорилось о завершении американскими учёными разработок аналогичных нашим. Голубыми и розовыми красками описывались перспективы их применения.

С этим-то журналом и помчался Фридрих Карлович в самые «верхи». И, как всегда, оказался прав. «Верхи» журнал очень расстроил. И они решили резко увеличить финансирование проекта, поскольку Америку нужно было «догнать и перегнать».

В связи с «догнанием» и «перегнанием» наш график был уплотнён невероятно. Каждый из нас теперь не работал, а жил в лаборатории. Больше всех радовался Фридрих Карлович. Ему и раньше было жаль времени на сон. Теперь, похоже, он и вовсе обходился без него. Казалось, второе дыхание пришло к нашему милому Кайзеру. Но это только казалось... Случилось это весной. Мы возвращались с Фордембергом из института. Шли по залитой нежно-прозрачным светом пустынной улице. После бессонной ночи усталости не было. Как будто в лаборатории мы подпитывались удивительной энергией. Говорили, как всегда, о работе. О том, что статья в английском журнале оказалась блефом. Желаемое выдавалось за действительное. Теперь мы не просто впереди. Полным ходом идёт строительство Стартового Центра. Со дня на день начнёт подготовку отряд добровольцев. Помню мечтательно-лучистую улыбку Фридриха Карловича. Его слова: «Как потрясающе интересна и как подло коротка жизнь!» Помню первые лучи солнца, упавшие в запламеневшие окна и яростное чириканье воробьёв. Весна кипела сиренью. Он подошёл к одному из кустов, протянул руку. И вдруг... начал медленно оседать. Я подбежал к нему, подхватил свинцом налитое тело и почему-то сразу понял: «Всё кончено!» Прошла машина. Не остановили. Очевидно, решили что пьян. Тогда я положил ему под голову носовой платок и сел на асфальт рядом. Я не бегал, Не суетился.

Я ожидал, сам не зная чего.

Минут через двадцать подошла «скорая». Её вызвали те, из неостановившейся машины. Врачи подтвердили; он умер сразу. И нас увезли. Обоих...

Николай Иванович замолчал. С минуту смотрел на облако-остров, застывшее над звенящей серебром рекой:

Ты хочешь знать.
Где душа ушедшего старца?
Взгляни на облако.
Проплывающее в небесах.

Красиво? Правда? – взгляд его внезапно потускнел. Я шел за гробом и плакал. Плакала и Настя. Плакала половина наших сотрудников. Остальные придти не смогли. В лаборатории проводились испытания. Тогда подумалось: «Была бы воля Фридриха Карловича, он бы и эту половину прогнал на рабочие места.» Я шёл за гробом – разные мысли бродили у меня в голове...

Где-то за месяц до этих похорон, по просьбе матери, я зашёл в церковь. Была годовщина смерти моего отца. Я поставил свечу «за упокой» и собирался было уходить. Как вдруг что-то толкнуло меня. Перед иконой стоял Фридрих Карлович Фордемберг. Заплывшие слезами глаза его смотрели в бесконечную даль. Грустно-тоскливая улыбка застыла на его лице.

Я вышел из церкви сам не свой. Я никогда не верил в Бога и был абсолютно уверен, что кто-кто, а уж Фордемберг точно убеждённый атеист. Однако взволновал меня не то что я увидел его в храме. Меня потрясло другое: беспомощно-детская улыбка Фридриха Карловича и его слезы.

Тысячи лет назад человек точно так же по – детски, умоляюще взирал на своего Бога. Но тогда он держал в руках кремень Теперь- лазер. Так почему взгляд одного из самых умных, а значит и самых сильных людей, по-прежнему устремлён к небесам!? Что мы - вечные дети!? И тот путь, который мы уже прошли, ничего не значит?

Но почему тогда нам так дьявольски интересно идти вперёд? Почему нас постоянно будоражит извечный вопрос: «А что там, за поворотом?!» Открывается один поворот, второй, третий... Удивительные картины потрясают воображение. Но жгучее любопытство не ослабевает...

Все эти «детские» вопросы на следующий день я задал Насте. Она посмотрела на меня глазами Венеры Тициана, задумчивыми и нежными, обещающими покой и вечное счастье и ничего не ответила. Тогда я обратился к Фридриху Карловичу. Он улыбнулся. Похлопал меня по плечу и отечески-наставительно произнёс: «Давайте лучше работать». Сказать то, что я видел его вчера плачущим в церкви, у меня не повернулся язык... Вот мы и работаем. Работает наш Женя, час назад превратившийся в луч, и с непостижимой скоростью умчавшийся в космос. Работаем мы, ожидая возвращения Жени, для того, чтобы из живого луча вновь превратить его в человека. Идея, посетившая меня в давно ушедшую новогоднюю ночь, воплощена. И напрасно у некоторых сдают нервы. Напрасно они, не выдержав ожидания, ушли в лес. Поверьте, всё будет нормально. Мы преодолеем очередной поворот, снова увидим поразительные картины и пойдём дальше... - Николай Иванович внезапно оборвал свой рассказ. Он вслушивался в мелодично-

плавные звуки, изливающиеся из огромной красной чаши. Звуки становились сильнее, резче и требовательнее. От мечтательности, только что разлитой по лицу рассказчика, не осталось и следа. Оно стало сухим и жестким. «Пора за работу,» - коротко сказал он, - «Поэтому с рассказом о «первой и единственной» я закругляюсь.»

Николай Иванович встал и вслед за ним, точно по команде, разом поднялись все остальные.

-А что стало с Настей!? – в переливчатую мелодию торопливо-взволнованно ворвался голос Любы.

-С Настей? – Николай Иванович задержался на мгновение в раздумье, - Настя умерла. Через пять лет после Фридриха Карловича. От белокровия. В лаборатории схватила лишнюю дозу.- и, отодвигая стул, на котором сидел, добавил, - Семьи у нас так и не получилось. Как-то знаете... Некогда было...

По тропинкам, разбегающимся между деревьями, быстро стекались люди. Они шли, призываемые уже заполнившими долину мелодичными звуками и исчезали под землёй, пожираемые чёрным отверстием, над которым нависла мощная челюсть стального люка.

Вздрыгнула чаша-цветок. Она уловила пришедшие за миллионы километров слабые токи света. Этот свет – предтеча живого луча, стремительно летящего к Земле. Через сотни кабелей-нервов, пронизывающих стебель-холм, свет просочился глубоко под землю, в железобетонные корни. В бункерах вспыхнули, замерцали зыбко экраны дисплеев. Пальцы сидящих за ними людей напряжённо легли на клавиатуру. Кроваво-красная чаша дёрнулась. Ещё и ещё. И заходила нервно и беспокойно. Она спешила развернуться так, чтобы сполна принять в своё чрево живой луч и вновь обратить его в человека.

По-волчьи взвыла сирена. И тут же пресеклась, точно оборванная выстрелом, Всё притихло, насторожилось. Затаились в траве кузнечики. Забыли звонкую песню птицы. Только багряно-осенний клён по-прежнему шелестел своими листьями, более похожими не на листья, а на изящно отчеканенную, но мёртвую бронзу. Вот один из них, рыже-пламенный, со вздувшимися от ранних заморозков жилами взметнулся было огненным языком к небу. Но лишь задержался в вышине на мгновение и, резко раскачиваясь из стороны в сторону, начал падать вниз...